

© Капицын В.М.
Kapitsyn V.

СИМВОЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

CHARACTER CONSTITUTIONALIZATION NATIONAL INTERESTS

Аннотация. В статье исследуется символическая конституционализация национальных интересов, которая должна способствовать преодолению раскола российского общества на группы с противоположными интересами, территории, конфликтующие с федеральным центром, формированию идеологии, объединяющей политические силы, слои населения на основе фундаментально значимых ценностей.

Annotation. The paper investigates the symbolic constitutionalization of national interests, which should help to overcome the split in Russian society into groups with conflicting interests, territory, conflicting with the federal government, the formation of an ideology that combines political forces, population-based fundamentally important values.

Ключевые слова. Символическая конституционализация, национальные интересы, конституционные принципы и нормы, национальная идея.

Key words. Symbolic constitutionalization, national interests, constitutional principles and norms of the national idea.

Исследование символической конституционализации национальных интересов – проблема, не получившая достаточного освещения в литературе. В основе нашей рабочей гипотезы лежат тезисы: 1) торжество позитивных символов способствует конституционализации национальных интересов, укрепляет конституционный строй; 2) необходима политика продвижения таких позитивных символов; 3) сами национальные интересы могут становиться символом, который рационально и эмоционально способствует преодолению неуверенности граждан в конституционализме; 4) через символы осуществляется влияние на сознание, идентичности граждан; 5) символическая конституционализация – многослойный процесс, в котором взаимодействуют символы разных уровней - от индивидуальных статусных до официальных государственных.

Как взаимодействуют люди и символы? Люди наделяют символическими смыслами идеи, события, персоны, включают символы в политические и правовые системы. Символы возникают при знаковом усилении образов (идей, информации) по объёму и частоте демонстрации, наглядности, суггестивности, динамике стереотипизации и комбинирования в общественном созна-

нии. По своему составу символ – совокупность знаковых, смысловых и вспомогательных элементов: а) образа, переходящего в знак, выраженный, в том числе в действии (обряде, церемонии); б) идеи (миф) о смыслах как ценностной основе превращения образа (знака) в символ; нередко сочетается с метафорой; в) носителя образа (материального, субстанционального, виртуального, ментального). Символы национальных интересов – социальные конструкты, способствующие солидарности, ориентации значительного числа соотечественников на принятие ценностей в качестве общих, мотивирующих разные социальные группы на поддержание безопасности личности, общества и государства. Они включаются в национально-государственный дискурс как закрепившийся в языке способ видения мира и упорядочения действительности. Н. Луман пишет о «символизируемом потенциале» и «некоторой комплексной интерактивной ситуации, которая в результате символизации переживается как единство». «Символизируется именно стабилизационная возможность, готовность к автокатализу системы, которая при наличии других благоприятных условий может оказаться продуктивной» [1].

Конституционализация национальных интере-

сов означает не только институционализацию – формирование конституционных принципов и норм. Она включает в себя также: 1) артикуляцию нормативно-ценностной основы («общественного договора»), сочетающей народный и государственный суверенитет, что закрепляется как юридическое значение конституции в иерархии фундаментальных ценностей, конституционных принципов и норм; 2) гласный поиск социальных компромиссов на основе сочетания общественных и партикулярных (корпоративных, индивидуальных, этнических, региональных) интересов, что выражается как политическое значение Конституции; 3) интерпретацию универсальных, национальных и локальных знаков, раскрывающих «внешние» и «внутренние» аспекты государственного суверенитета, международную правосубъектность и внутривнутриполитическую состоятельность государства; 4) выстраивание всей иерархии правовых актов в соответствии с Конституцией как общенациональным политико-правовым документом; выстраивание механизмов исполнения законов в соответствии с Конституцией России.

При соответствующей политике символы, а также идентичности, сопровождающие восприятие символов, помогают конституционализации национальных интересов. Получая общественно-государственное значение, они соединяются с национальной идеей, встраиваются в определённую иерархию смыслов, общую для данной нации. Такое конструирование выражает траекторию позитивного национального развития, интегрирует уровни символической «пирамиды». Если знаки артикулируются элитой, принимаются населением, поддержаны идеологически, институционально, то становятся позитивными национальными символами, выражают ценностный код нации.

Преамбула Конституции РФ показывает через символы истоки национальных интересов. Символы функционируют на всех уровнях институционализации национальных интересов, как: а) партикулярные статусные символы (индивидуальные, корпоративные, семейные, личные карьерные); б) национальные символы-добродетели, аккумулирующие ценности данного народа; в) общенациональные неофициальные символы; г) конституции и официальные государственные символы. Конституционализация национальных интересов включает в себя элементы идеологии, символической политики, артикулирующей и агрегирующей символы, поддерживающей их иерархию.

Символизация национальных интересов передаётся, например, в интерпретации смыслов монумента 1000-летия российского государства. Фундаменталь-

ные ценности России XIX в. (народность, самодержавие, православие)[2] выражены в образе большого колокола, насыщенного знаками. В нижнем ярусе колокола – символ народа (множество фигурок людей разных сословий). В среднем ярусе – образы государственных деятелей, отражающих шесть событий истории на фоне шара-державы. В верхнем ярусе – крест с образами ангела и коленапреклоненной женщины. Интерпретация знаков помогает определить истоки символов, судить о содержании и структуре конституционализации национальных интересов, предполагает «народную» базу символизации, привязанную к основным жизненным сферам: территориально-пространственной (территория, природа), естественно-антропологической (телесность, жизнь, быт), духовно-культурной (миф, религия, история), агентно-профессиональной (труд, предпринимательство, достижения хозяйства). Такие «привязки» направляют формирование местного патриотизма – комплекса чувств и ценностных ориентаций, усиливающих позитивное восприятие национальных интересов в контексте повседневной жизни.

В этих жизненных сферах для воспроизводства ценностей (символов, идентичностей) порождаются социальные институты, подготавливающие символотворчество и конституционализацию национальных интересов. К таким институтам, формирующим «воображаемые сообщества», мы вслед за Б. Андерсоном, относим географическую карту, перепись населения, музей, школу, газету, книгу на государственном языке [3]. Добавим к этому перечню местные сообщества, семью, церковный приход, электронные СМИ, выставки достижений хозяйства, социальную и торговую рекламу. Эти институты соотносятся с основными жизненными сферами, открывают подходы к пониманию национальных интересов.

В территориально-пространственной сфере *географическая карта* влияет на представление местных и общих территориальных интересов, формирует не только образы целостной территории государства, но и разных мест (знаки «малой родины»), конкретизируемые в локальных картах, земельных кадастрах, кадастровых реестрах. В естественно-антропологическом аспекте в качестве таких институтов выступают *семья, местное сообщество, переписи населения, записи актов гражданского состояния, регистрация места жительства и пребывания*, фиксирующие демографические и этнические пропорции, связь людей и мест. Они порождают символы, интегрирующие этноантропологические черты в комплексе идентичностей и символов местных сообществ.

В духовно-культурной сфере оживляются собы-

тия истории и культуры, охраняются ценности, национальные языки. Особую роль играют *музеи, архивы, церковь и церковные приходы, школа, газеты, книги, СМИ, театр, кино*. С их помощью обеспечивается охрана культурных ценностей, артикуляция и легитимация национальных интересов, отличимых от интересов других государств. Музей – универсальный институт, поддерживающий ценности всех жизненных сфер, но особенно важны краеведческие и исторические музеи, поддерживающие исторический нарратив, мифы местных и региональных общностей, духовные символы нации. В агентно-профессиональном плане для символизации важны *достижения народного хозяйства*: ремесла, промышленности, науки, техники, управления, спорта, медицины. Так освоение космоса породило символы, поддерживавшие гордость за СССР (изображения Ю. Гагарина, кораблей «Восток», «Восход», станции «Мир», павильон «Космос» на ВДНХ, памятник покорителям космоса на пл. Гагарина в Москве). Достижения воспринимались как выражения успехов трудящихся. Их обобщённым символом (и страны в целом) выступали серп и молот (в государственном гербе и флаге СССР, монументе «Рабочий и колхозница» и т.п.)¹.

От бизнесферных символов протягиваются нити к национальным интересам. Упомянутые институты (карты, переписи и т.д.), помогают воспроизводить бизнесферные ценности и поддерживать системные символы-добродетели народа. Последние вкупе с национальной идеей соединяют партикулярные статусные символы людей с государственными символами. Важную роль играет государственная и местная символическая политика, выстраивающая множество символических форм в национальную систему. В жизненных сферах, помимо партикулярных статусных символов, формируются и поддерживаются бизнесферные ценности. В качестве последних выступают: в территориально-пространственной сфере – бережение природы, территориальная идентичность (любовь к «малой родине»); естественно-антропологической – любовь супругов, детей и родителей, традиции уважения к старшим, охраны детства, сплочённость земляков. В духовно-культурной сфере – стремление к знаниям, гордость за местную и отечественную культуру, почтение к истории Отечества, своим святыням; в агентно-профессиональной – трудолюбие, изобретательность, соревнование, профес-

сиональное мастерство, кооперация. Все эти ценности стимулируют первичную сетевую солидарность.

В свою очередь, на бизнесферные ценности опираются системные символы-добродетели – символы солидарности нации, образующиеся путём приписывания национальным образам позитивных ценностей – гражданственности, патриотизма, доблести, законопослушности, взаимопомощи, соучастия. Они ориентируют партикулярные статусные символы на интеграцию в символическую систему общества. Образующая таким путём коммуникация – важнейший элемент символической системы. Государственная (региональная, муниципальная) символическая политика направлена на закрепление официальных и неофициальных, национальных и местных символов в конституционном пространстве с помощью интерпретации и правил (моральных, религиозных, традиционных, юридических).

Так символическая политика поддерживает правила поведения для воспроизводства первичных благ повседневной жизни, способствует становлению их как бизнесферных ценностей, символов-добродетелей, элементов национальной идеи, национальных символов, Конституции. С другой стороны, артикуляция национальной идеи, Конституция помогают выстраивать иерархию знаков, наполнять их национально ориентированными смыслами, вырабатывать идентификационные ресурсы для дистанцирования (сближения) во взаимодействии с универсальными (космополитическими) символами. Символическая политика объединяет идеи, символы, ценности в идеологии, выступающей как «платформа» для конституционализации национальных интересов. Если символическая политика развивается нормально, то символы разных уровней связаны в символической системе общества и государства, и, образуя иерархию, восходят к национальной идее и Конституции.

Чтобы понять символическую конституционализацию необходимо видеть диалектику «внешних» и «внутренних» аспектов национальных интересов. Начало осознания связи символической политики и конституционализации национальных интересов относится к раннему периоду Нового времени. Становление государственного суверенитета требовало замены или реконструкции королевских символов в соответствии с суверенитетом народа (нации) и определением места наро-

¹В 1990-е гг. деградировал ряд отечественных символов. Отремонтированный монумент В. Мухиной «Рабочий и колхозница» нельзя было возвращать на ВДНХ (Всероссийский выставочный центр), так как наполнение последней перестало соответствовать символу. Павильон ВДНХ с вывеской «Космос» использовался для розничной торговли. Комплекс Лужники, как отметил мэр Москвы С. Собянин, «является олимпийским спортивным символом России и столицы, и он вдруг оказался в частных руках, причём практически за бесценок». Он превратился в рынок. Правительство г. Москвы снова выкупило этот символический объект, чтобы вернуть ему прежнее значение.

дов в международных отношениях¹. Народы реализовывали идею нации-государства или империи, что требовало выражения национальных интересов в символах и правовых принципах.

Символотворчество в процессе конституционализации национальных интересов сопровождало усиление значения идеологии, включению мифа в политику и право, становлению «больших нарративов» и национальной юрисдикции на территории. Интерес элит к использованию символов в конструировании национально-государственной идентичности и правосубъектности проявился уже в Реформации и Контрреформации. Революции в Нидерландах, Англии, Франции, освободительная война в Северной Америке, войны Наполеона и против Наполеона – всё это ускоряло формирование государств-наций и империй. Коллективное самоутверждение народов в отношениях с «чужими» воспринималось как некий коллективистский вид свободы («национальной свободы») – ценность, воплощающаяся в национальных (имперских) символах.

А это в значительной степени зависело от взаимодействия внешнеполитических («внешних») и внутриполитических («внутренних») факторов. Причём «вес» этих факторов был разным. Одни государства утверждали национальные интересы в основном через внешнюю политику: включение в военные союзы (Австрия, Англия, Франция, Россия, Пруссия), освоение новых территорий (Испания, Португалия, Англия, Россия, США). Во Франции поражение во франко-прусской войне, аннексия Эльзаса и Лотарингии способствовали глубокому анализу национальной идеи и доктрины нации. Некоторые государства стремились к изоляционизму, делая приоритетом внутреннюю политику (Швейцария, США). В Италии национальные интересы полнее всего выражались в освобождении страны, что зависело от её объединения, потому Гарибальди и король Виктор-Эммануил стали национальными символами.

В США определяющую роль в конституционализации национальных интересов сыграл символ границы (фронтiera). Образы «героя границы» (охотника, мигранта, ковбоя) как символы сопровождали освоение новых земель и экспансию на соседние государства. Это имело политико-правовое оправдание. При становлении США обострялись внутренние противоречия между демократией, оживлявшей плюрализм и конфликт «большинство – меньшинство», с одной стороны, а, с

другой, единством нации, Конституцией федеративной республики. Символы расширяющейся территории помогали разрешать противоречие. В разные периоды изоляционизм США причудливо сочетался с американским национализмом и унилатерализмом, атлантистской гегемонией и мессианизмом.

В России доминировал «внешний» фактор национальных интересов (военные союзы, оборонительные и освободительные войны, присоединение территорий). Справедливые войны сплачивали народ, становились символом национального освобождения (на Балканах ещё чтят памятники российским воинам). Но доминанта «внешнего» фактора приводила к обострению внутренних противоречий, кризисам, революциям. Кавказские войны оставили после себя символы (памятники полководцев), до сих пор воспринимающиеся населением неоднозначно, что осложняет сохранение целостности государства и конституционного порядка. Русско-японская война способствовала началу революции 1905-1907 гг.; последняя сопровождалась конституционализацией парламентаризма и политических партий. Первая мировая вылилась в Февральскую и Октябрьскую революции, гражданскую войну.

Шло постепенное стирание раздела между «внешним» и «внутренним» аспектами национальных интересов, чему способствовали декларации ООН, Хельсинкское соглашение 1975 г., затем преобразования в СССР, Восточной Европе. Под воздействием универсальных символов (демократии, прав человека, прав народов, открытости) обозначилось острое противоречие национально-государственной идентичности с региональными и этнократическими контридентичностями. «Открытость миру» усилила плюрализм профессиональных, региональных, этнонациональных интересов, вступивших в конфликт с формированием общей воли в Конституциях.

В глобализации взаимопроникновение «внешнего» и «внутреннего» факторов достигло нового качества: реконструируется государственный суверенитет и международные отношения, появляются зачатки космополитического права, ставящего символы прав человека и народов выше, чем суверенитет государств и невмешательство во внутренние дела. Отражением такой реконструкции стало содержание части 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г., а также ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН и Совета безопасности.

¹Появившееся в середине XVI в. понятие «государственный интерес» являлось отражением перехода для Запада политической формы королевства к современной монархии.

Как взаимодействуют универсальные и национальные символы в конституционализации национальных интересов? Анализ внешней и внутренней политики свидетельствует, что это зависит от усиления (ослабления) корреляции национальных интересов и национальной безопасности под воздействием экспансии универсальных символов. В эпоху «холодной войны» национальные интересы связывались с символами «внешней» национальной безопасности, ставшими сердцевинной государственной идеологией, движений за мир, что отразилось, например, в советских Конституциях. Серьёзным шагом к усилению влияния универсальных символов стали итоги Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки 1975 г.). Активизировались правозащитники в социалистических странах, например, Хельсинкские группы.

Но до начала «перестройки» национальные интересы и безопасность для большинства населения в СССР ещё соотносились достаточно чётко с символами «освобождения человечества» на фоне «образа врага» («империализма США» и НАТО). Символы мирного созидания (в частности, памятники «Перекуем мечи на орала», «Рабочий и колхозница», «Покорителям космоса») органично сочетались с символами «силового сдерживания» («ядерное оружие», «ракеты», Берлинская стена).

В «перестройку» многое меняется. Символы «нового мышления» как расширения возможностей развития СССР затмевают символы «холодной войны»¹. «Новое мышление» делало упор на универсальные (общечеловеческие) ценности демократии и прав человека, что приводило к заметному расхождению национальных интересов и «внешней» национальной безопасности, отразилось и в содержании поправок в Конституцию СССР 1977 г. Значительную роль в таком расхождении сыграла борьба Б.Н. Ельцина против М.С. Горбачёва, выглядевшая как стремление ускорить радикальные реформы, а на самом деле разрушавшая баланс реформ и нацио-

нальной безопасности². Крушение Берлинской стены, согласие на вывод войск из Восточной Европы и сокращение «ракет», дискредитация КГБ – всё это развенчивало символы «внешней» безопасности СССР, разотождествляло их с национальными интересами. Такому расхождению способствовал асимметричный характер сотрудничества СССР со США в период перестройки³.

В проекте Конституции России 1991 г. упоминались «государственные интересы», но внимание акцентировалось уже на внутренней безопасности (безопасности граждан, человека, общества и государства, защите конституционного строя). Заимствовались западные институты, но не реально, а как метафоры, так как для заимствования не было необходимых условий; параллельно разрушалась система национальной безопасности России. Руководство России, в том числе под влиянием западных экспертов, эклектично соединяло символы национальных интересов с правами человека, демократией и открытостью⁴.

Под влиянием премьер-министра Е.М. Примакова началось восстановление образа России, сдерживающей гегемонию США: разворот над Атлантикой направлявшегося в США самолёта с правительственной делегацией (в знак протеста против натовских бомбардировок СФРЮ), намечавшаяся поездка правительственной делегации во главе с А. Маслюковым в Малайзию, отказавшейся ранее от плана МВФ. Испытав удары сепаратизма, государство активизировало демонстрацию связи национальных интересов, национальной безопасности и территориальной целостности.

В.В. Путин усиливал символизацию национальных интересов вкупе с национальной безопасностью: укрепление образа «единой» державы, борьба с сепаратизмом, возобновление военных парадов на Красной площади и военных учений, подготовка похода военных кораблей в Латинскую Америку, акция «Гвардейская ленточка», введение звания «Город воинской славы»⁵, жест-

¹В докладе на XIX конференции КПСС (1988) говорилось, что угрозу ядерной войны удалось отодвинуть благодаря новому мышлению.

²В решающий момент на встрече лидеров стран «семерки» 16-17 июля 1991 г. (с участием М.С. Горбачёва) Дж. Буш-старший, несмотря на возражение М. Тэтчер, призвал «семерку» не поддерживать СССР. Сказалось влияние группы Гейтса – Чейни, делавшей ставку на Б.Н. Ельцина и разрушение СССР. Б.Н. Ельцин в американском конгрессе 30 января 1992 г. заявил, что это он принёс американской элите победу.

³Как отмечал М. Рожански, работавший в комиссии Шульца-Шеварднадзе, возникала асимметричность в работе; «американцы давали советы относительно реформ, а россияне эти реформы проводили».

⁴В работе комиссии Гор–Черномырдин США рассматривали любые инвестиции в Россию через политическую призму (переход от однопартийности к многопартийности, плановой экономики к рынку), а не с точки зрения реальной полезности проектов. К этому следует добавить и казус с поправкой Джексона-Вэника, которая оставалась неотменённой, хотя основания для её применения отпали уже в 1990-1991 гг. Она действовала как символ, напоминающий российской элите об отложенных возможностях санкций со стороны США.

⁵Учреждено Федеральным законом от 9 мая 2006 г.

кая речь в Мюнхене 10 февраля 2007 г. Рост цен на экспортируемую нефть создавал финансовую основу такой символизации. Происходило сближение национальных интересов и внешней национальной безопасности; один из ресурсов их легитимации и конституционализации – ностальгическое оживление советских символов¹[4]. Наметилась определённая напряженность по отношению к универсальным (космополитическим) символам. Усилилось давление на правозащитные НКО, финансируемые из-за рубежа. Одновременно изменилось соотношение государственного и народного суверенитетов (процедура выборов глав субъектов РФ, ограничения в проведении федерального референдума, «порог» прохождения партий в парламент 7% голосов избирателей). Административный ресурс обеспечивал доминирование символики правящей партии, поддерживающих её объединений.

В свою очередь, бывший Президент РФ А.Д. Медведев, отдавал должное парадом Победы на Красной площади, вручал советские награды, нашедшие живых ветеранов, присваивал звания «Город воинской славы». Но наметился отход от «ностальгирующей» политики. Показательна позиция в отношении польского символа Катыни. Лояльнее стала политика по отношению к США, НАТО, ЕС (позиция в отношении «гуманитарной интервенции» НАТО в Ливии, контрастировавшая с высказываниями В.В. Путина). Стало стимулироваться переключение внимания с «внешних» аспектов на «внутренние», с советских символов на другие знаки, способные стать новыми символами, что заметно в риторике обращения «Россия, вперед!», Послания Федеральному Собранию 2010 и 2011 гг. Демонстрировался прогрессизм, показывавший связь национальных интересов с новой (постсоветской) основой – экономической и технологической модернизацией (символ Сколково, посещение лаборатории Касперского, других центров инноваций, встречи с блогерами, обсуждение с ними авторских прав и хакерской атаки на «Живой журнал», визит губернатора Калифорнии А. Шварцнегера со специалистами

из Кремниевой долины США). Риторика Д.А. Медведева изменилась в сторону подчеркивания внешней безопасности уже после объявления о решении В.В. Путина баллотироваться в кандидаты на выборах Президента РФ в 2012 г.

В этих условиях модернизация неизбежно затрагивает область идеологических и политико-правовых аспектов национальных интересов. Модернизационная элита, опираясь на секуляризированные символы правовой легитимности и политической эффективности тем не менее остро нуждается в идеологизированных объединяющих символах; иначе происходят «срывы модернизаций». Иначе модернизация усиливает партикулярные интересы разных социальных групп, регионов и этносов.

Опыт СССР и России показывает значение баланса универсальных и отечественных, «внешних» и «внутренних» аспектов национальных интересов. О.А. Кармадонов обоснованно призывает к разработке проблем социокультурной безопасности социума, выражаемой в терминах «символическая вооруженность», «символическое оснащение», «развитость символических систем»²[5]. Что касается универсальных символов прав человека, учёные отмечают относительность возможного заимствования в связи с ригоризмом их интерпретации³ [3].

Трудность их рецепции вытекает также из нарушения диалектики общего и особенного, что небезопасно для национальных интересов. Конституция России 1993 г. и символическая политика в 1990-е гг. в значительной степени заимствовали универсальные символы в ущерб национально-государственным. Поэтому права человека в Конституции РФ слабо коррелировали с принципами-ограничителями, важными для конституционализации национальных интересов. Заимствование привело к сильному расхождению юридического и политического значений Конституции РФ, затруднило разработку новой символической системы.

Односторонние ориентации на символы прав народов способствовали появлению элементов гербов, норм конституций отдельных субъектов РФ, разрушаю-

¹При подготовке к выборам в Государственную Думу в 2011 г. В.В. Путин поддержал на заседании Общероссийского народного фронта программу, в которой анонсировалось предложение разработки 5-летнего плана развития страны наподобие советских пятилеток.

²Для того чтобы общество выступало... не пассивным реципиентом социокультурной глобализации, необходимо, чтобы в нём были осознаны и четко артикулированы собственные приоритеты и интересы в данной сфере. А для того, чтобы оно могло стать и субъектом данного измерения глобализационных процессов, необходимо, чтобы собственные символические комплексы были хорошо структурированы, в полной мере институционализированы и были в известном смысле достаточно агрессивны.

³Две конференции в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке вынесли резолюции против универсалистской трактовки прав человека, но всемирная конференция по правам человека в Вене в 1996 г. подтвердила идею универсальности прав человека. Идея прав человека включена в политические и дипломатические калькуляции и спекуляции, т.е. выступает как доминирующая ценность на политическом рынке.

щих идентификационную целостность России, нарушающих баланс изменчивости и преемственности в символической системе. Выстраивание символического обеспечения государства осложнялась идеологическими «разрывами» общественного сознания 1917 и 1991 гг., некорректной интерпретацией исторических событий. Всё это обусловило сильное влияние на россиян идей и символов космополитизма, оттеснявшего цивилизационную и национально-государственную идентичность. Космополитическая идентификация при внедрении западных универсалий в сочетании с партикулярными интересами способствовала формированию символов, подрывающих конституционализацию национальных интересов. Тем не менее по мере становления статусных символов разных российских территорий, корпораций, физических лиц проявилась значимая потребность в стабильности, а вместе с ней в национальной идее и доминанте позитивных символов, защищающих национальные интересы. Но в конце 1990-х гг. в России образовался вакуум позитивной символики: не были ещё утверждены даже государственные символы (флаг, герб, гимн).

Исходя из вышеизложенного, цель символической конституционализации национальных интересов можно определить как формирование символической системы, способствующей целостности государства и позитивному развитию общества, для чего поддерживаются символы-добродетели, их связь с жизненными сферами, национальной идеей и Конституцией, национальными интересами и безопасностью.

России понадобилась политическая воля лидера, непосредственно не связанного в памяти людей с реформами 1990-х гг., что помогло в начале 2000-х гг. сгладить дисбаланс космополитических и национальных символов. В обращении к Федеральному Собранию (2000 г.) В.В. Путин вернул в официальный лексикон понятие «социальная справедливость». Затем, особенно с 2004 г., начинает выстраиваться ряд ценностей консолидирующего характера, которые отмечены Президентом РФ в качестве такого же важного фактора развития государства, как политическая и экономическая стабильность. Относительно удачной стала комбинаторика государственных символов в начале 2000-х гг.

Определённую роль в этом направлении играет политико-правовая геральдика, приводящая в порядок визуальный и нормативный «остов» национальной символической системы. Специалисты справедливо отмечают, что утверждение государственных символов России, официальных символов субъектов РФ и муниципальных образований знаменует обретение Россией опреде-

ленного уровня становления государственности, ее идеологического оформления, отражает преемственность историко-культурных традиций россиян. Геральдические особенности государственных символов описываются в конституционных законах и приложениях к ним; описывается также смысл символов, затрагивающий национальные интересы.

Символическая конституционализация национальных интересов должна способствовать преодолению раскола российского общества на группы с противоположными интересами, территории, конфликтующие с федеральным центром, формированию идеологии, объединяющей политические силы, слои населения на основе фундаментально значимых ценностей. В Обращении В.В. Путина к Федеральному Собранию ставилась задача возвышения фундаментальных ценностей, преодоления раскола страны на путях реализации общей цели, реализации политической формулы «демократические ценности, помноженные на национальные интересы».

России предстоит достроить и укрепить систему объединяющих общество символов под эгидой национальной идеи. Смысл её – сбережение автохтонных народов и новых соотечественников на целостной территории России, их телесного и морального здоровья, духовности, агентности (трудолюбивости, трудолюбия, профессионализма, предприимчивости и инновационности), необходимых для успешного социального, гуманитарно-правового, научно-технического, экономического развития. Величие России означает способность обеспечить благосостояние её народов, процветание великой культуры, национальную безопасность и территориальную целостность.

В России возникает острая потребность одновременно: а) сохранять, усиливать, а где-то восстанавливать стремление населения и региональных элит к солидаризации; б) создавать социальную базу модернизации; в) обеспечивать авторитет государственной власти в целом и самого Президента РФ как гаранта целостности и развития России; г) поддерживать национальную безопасность. Поэтому параллельно с вниманием к технологической и экономической сторонам модернизации Президент РФ пытается осуществить «символический прорыв»: антикоррупционный план, переименование милиции на «полицию» и перестройку МВД, вскрытие нарушений во всей правоохранительной системе. Делаются шаги к сбалансированию народного и государственного суверенитетов: изменение избирательной системы с тем, чтобы внепарламентские партии имели больше шансов пройти в Государственную Думу, заявление об изменении поряд-

ка формирования Совета Федерации, возможном переходе к выборам губернаторов населением субъектов РФ.

Но речь должна вестись о формировании всей символической системы. Чтобы партикулярные статусные символы были связаны с бизнесферными ценностями, системными символами-добродетелями и государственными символами, необходимо разъяснить и показать значение этой связи, соотнести национальные символы с универсальными. Государственной и муниципальной властям (Президенту РФ в первую очередь), предстоит ещё сказать своё веское слово в ряде знаковых событий и процессов современности. Заслуживает внимания и обозначение отношения к универсализму, за который нередко выдаются унилатерализм США и глобализм НАТО.

Так, в серьёзной защите нуждаются бизнесферные институты, воспроизводящие «народное» символотворчество. Это – защита «карты» России – воссоздание в памяти и актуальном сознании ценности мест и территории государства в целом, рационального природо-

пользования, предотвращения пожаров лесов – всего, что останавливает обесценение пространства мест. Это – поддержка самой «жизни»: поддержка семьи, сокращение насильственной преступности, снижение смертности, повышение рождаемости, миграционная политика для равномерного заселения мест. Это также защита отечественной истории от фальсификации, а памятников истории – от разрушения и наступления коммерциализации¹; поддержка труда и предпринимательства – спасение народных промыслов, создание и модернизация рабочих мест², повышение квалификации работников, поддержка признанных профессионалов и обучение специалистов, помощь малому и среднему бизнесу, борьба с коррупцией, убивающей «на корню» инновации и профессионализм. Только при спасении бизнесферных ценностей россиян наполняются смыслами символы-добродетели, Конституция РФ, государственные символы, а следовательно, и конституционализация национальных интересов.

¹Яркие примеры коммерциализации – Бородинское поле, застраиваемое дачами; усадьба Архангельское, территорию которой хотят уменьшить с целью коммерческой застройки.

²В.В. Путин, выступая на заседании Международной организации труда в Женеве 15 июня 2011 г., сообщил о намечающемся создании и модернизации 25 млн. рабочих мест.

Литература

1. Луман Н. *Власть*. - М.: Праксис, 2001. - С. 53-54.
2. Губогло М.Н. *Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки*. - М., 2003.
3. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. - М., 2001.
4. Иноземцев В., Ханин Г. *Новоявленные ударники // Огонёк*. - М., 2011. - № 25. - С. 20.
5. Кармадонов О.А. *Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии*. - М., 2008. - № 2, С. 29-30.

Материал поступил в редакцию 15. 12. 2012 г.